

От автора

За просмотром захватывающего сериала или во время прочтения запутанного романа меня всегда волновало, какую жизнь нужно прожить, чтобы исторгнуть из себя подобное. Оказалось, вполне обычную. Ту жизнь, что проживают миллионы женщин, никогда не решаясь переложить ее на бумагу.

Надеюсь, в этой книге вы узнаете себя и поймете, что каждая из нас способна на большой эпохальный роман, как минимум сама с собой, и вольна жить свою удивительную жизнь. Если не замазывать ее тональным кремом, стараясь соответствовать социальным представлениям о том, как «правильно», она станет захватывающей и неповторимой.

Я живу неправильную и несправедливую жизнь. И, поставив точку в этой книге, которая состоит из моей личной истории, как огурец из воды, я поняла: ни о чем не жалею.

А если «Жить без тебя» поможет и вам перестать жалеть о содеянном и не, значит, каждая моя

ошибка была совершена не зря. А если вы продолжите винить себя за косяки, то у вас всегда будет книга, прочтя которую, вы поймете, что ваши огрехи — лишь легкие потертости. И с меня тональный крем.

Из уважения к частной жизни героев моей бурной молодости все имена изменены.

ПРЕДЫСТОРИЯ

У нас с моим психологом Ирой странные отношения. Иногда с позволения друг друга мы в словесном прыжке пересекаем личные границы и даже переходим на цензурную брань. Оказалось, со мной работает только так. Долгие задушевные откровения с длинными заходами — мимо. Я обратилась к ней по совету аллерголога. На фоне стресса титры зашкаливали, и даже корги, валяющиеся в ногах посетителей кафе на верандах, заставляли меня, задыхаясь, нащупывать в сумке преднизолон.

Ира сразу мне дала понять: творческих людей лечат по верхам. Как и политиков, миллиардеров, талантливых ученых и всех, кто монетизирует свой невроз. Если их пересобрать до нормального человека — уйдут разводы на стеклах, что преломляют солнечный свет в причудливый узор. Поэтому они и практикуют коучинг, а не EMDR*, юнгианский психоанализ и когнитивно-поведенческую терапию. А еще йогу и цигун.

* EMDR — дословно «десенсибилизация и переработка движениями глаз», метод терапии, который был разработан для лечения посттравматических расстройств.

Мы никогда не трогали с Ирой личную жизнь — с ней у меня в те времена все складывалось ровно. Сначала я была третий раз замужем, оставив за спиной мытарства и гормональные кульбиты, которые совершала в бурной молодости. Более того, на первое официальное свидание с третьим мужем я отправилась именно после первого сеанса с Ирой — по иронии судьбы. Потом мой третий брак распался — настолько безболезненно, что я сообщила об этом Ире постфактум. Лишь через неделю, и то по причине того, что стоило моему третьему мужу съехать, как я получила предложение родить детей и сменить фамилию от давнишнего друга. Когда в студенческом возрасте астролог взглянула на мою натальную карту и обронила «С таким седьмым домом замуж будешь ходить как на работу», я не придавала сказанному значения. Я не думала, что она буквально. Если сейчас вы мне завидуете, не стоит. Прочтите еще пару глав, и вам если не станет меня жалко, то точно полегчает.

Я всегда хотела провести жизнь с одним человеком без того, чтобы вечно решать систему уравнений. Просто X и Y соединились в точке графика и пошли по параболе вверх — в светлое будущее. Что этого не случилось — мой глубокий порез, драма и бич времени, где раз и навсегда — скорее искривление пространства Лобачевского, чем незыблемый закон всемирного тяготения Ньютона.

Так вот, вернемся к психологу. Теперь вы понимаете, что он мне действительно нужен, и это не просто дань моде, чтобы козырнуть заумными терминами. Наше с Иррой общение заложило фундамент глубокого самокопания: я пыталась понять себя или, как сейчас принято говорить, принять свою тень. Почему я делаю все то, что раньше приносило мне удовольствие или удовлетворение, однако ничего не чувствую? Будто отключили от источника питания. Почему я одновременно в отношениях и хочу из них бежать?

Я медитировала на ковре возле камина в своей съемной квартире в дореволюционном доме в Плотниковом переулке. Тихо молилась, когда оставалась одна, держала посты на Йом-Кипур* и 9 ава**. Занималась йогой по утрам до набухших вен на лбу в перевернутых позах, делала зарядку у турника, пробовала все системы питания. Даже пыталась пропить курс антидепрессантов, но на них у меня тоже оказалась аллергия. Как-то вычитала у французского писателя Базена: «Брак похож на осажденную крепость: те, кто снаружи, хотят попасть внутрь, а те, кто внутри, пытаются выбраться». Это как нельзя точно характеризовало мое состояние осенью прошлого года.

Меня снова отправили к Ирре, чтобы та помогла мне совладать с ретивым гипофизом. Мы с Иррой

* День покаяния и искупления у евреев.

** Национальный день траура еврейского народа.

искали мое запорошенное счастье и были на ты. Позволяли себе вкрапления хохота и все ждали, когда я устану ковыряться в творческом кризисе и профессиональном выгорании — и мы наконец выпьем вина, как подруги. Каждый сеанс она намеревалась от меня отделаться — потому что не видела ни травм, ни драмы. Мне и самой казалось, что я просто творческий человек, который через переживания пытается катализировать процесс написания сценария или книги. Это же мой хлеб и моя отдушина.

А еще психолог на полтора или два года заменила мне подруг. Выговариваться за деньги оказалось удобно и выгодно всем участникам процесса. Когда внутри накопело, не надо выслушивать стенания по ерундовой проблеме ради приличия, в ожидании своей очереди на нытье. Тебя внимательно слушают с первой минуты, и ты этим априори не напрягаешь. Очень честно. А с подругами я лучше полетать на трапеции схожу или в театр на какую-нибудь абсурдную постановку выберусь. Тем более, с некоторых пор, личную жизнь я закрыла на замок. Третий развод я тщательно скрывала. Сколько могла, даже от собственного отца.

Осенью 2022 года мы с Ирой плюнули на этику, списались, как подруги, и встретились на бокал вина и лучшие хинкали в перечном соусе на Патриках. Моя психолог родом с Украины, эдакая бравая одесситка с невероятной харизмой, играючи покорившая Москву, мать двоих детей — все от одного

мужа, с которым уже давно и по любви. Весной того же года, когда мы дружно попали в политический замес и эмоциональную мясорубку двух наций, я впервые услышала историю ее жизни. Ее книгу, которую, возможно, она когда-нибудь напишет. Тем кровавым мартом мы поменялись ролями — я стала отправлять ей «Как ты?» и «Чем я могу тебе помочь?». Оказалось, помощь — это просто выключить звук на телефоне и сесть за уютным столиком в углу, открывшись для обоюдных откровений. Прошлое и молодость стали отделены от нас не точкой, но чертой невозврата.

И вот незаметно мокрыми лапами вломилась осень со сварливыми ветрами и свинцовым небом. Мы с Ирой все так же в сумеречной зоне, но держимся друг за друга. Снова наше любимое секретное место — где грузины лепят крохотные хинкали и щедро заливают их перечным соусом. Пока Ира выходила на улицу созвониться с няней, я взяла телефон в руки и обнаружила сообщение из прошлого.

— Ты чего улыбаешься? — она бесшумно подкралась и вновь присела рядом.

— Я?

— Ну не я же, — Ира покрутила бутылку вина, решая, заказать ли еще одну.

— Да так. Пишет тут один... — За вранье, особенно самой себе, я всегда знатно получала от Иры. Повторюсь, со мной работают странные методы психотерапии. — Бывший любовник.

— Насколько бывший? — иронизировала она, пытаясь выудить в небольшом ведерке не растаявший кусок льда.

— Мы общаемся десять лет. С разной интенсивностью и периодичностью.

— Подожди-ка. — Она опустила щипчики, плюнув на лед, и принялась считать. — Ты хочешь сказать, что он появился сразу после твоего первого развода и пересидел двух мужей и три фатальные влюбленности? — Ира задумалась, застал ли он первого. — Двух же, не трех? Хотя все равно крипово, — пустила она в ход подростковый сленг. Видимо, няня дала трубку старшему ребенку.

Я никогда не задумывалась так радикально, почему любовник в моей жизни — самая устойчивая фигура. Из уст Иры слово «крипово» звучало не только неожиданно, но и зловеще. Я и сама схватилась за горлышко бутылки, пытаясь понять, стоит ли позвать официанта.

— Ир, я понимаю, что это выглядит странно. Но все не так страшно, как кажется, — если честно, осознав, что дольше даже в одной квартире за свою жизнь не жила, я порядком напряглась. Что длилось в моей жизни не меньше десяти лет? Школа? Но и школы я меняла пару раз. Ни один мой брак не выдержал пятилетнего рубежа.

— Мы с тобой копаемся в твоей голове два года. И ты только сейчас решила мне рассказать про любовника с таким стажем? А я все понять не могла,

почему ты все время сомневаешься. Ты помнишь, как потом поделилась, что тебе страшно было подавать заявление в ЗАГС? Третий раз и все такое. А дело было не в третьем ЗАГСе, не в мандраже. Ты просто не закончила отношения с любовником.

Я не рассказывала Ире про мерцающего в моей жизни любовника. За время нашей терапии он объявлялся раза три или четыре похвастаться, что достроил дом, предложить попробовать возобновить наши встречи на постоянной основе и посмотреть, что из этого выйдет. Я с ним не виделась — скинула только видео, где дурачусь с щенком гипоаллергенной породы и честно ответила, что перетекла из второго брака в третий без рекламной паузы. Я вообще не считала мерцающего любовника проблемой, пока вдруг не увидела выражение лица Иры. Ей не нужно было открывать рта — дуги бровей, взгляд, который их приподнимал до середины лба, сжатые губы.

— Провалилась я, как психолог, конечно! Вот чувствовала, что есть что-то, что ты утаиваешь. Но потом вспоминала вещи, которые и на исповеди не расскажешь, а ты ими делилась...и убеждала себя, что это я просто везде ищу подвох. Профессиональная деформация, — она глотнула вина, — А у нас тут, оказывается, параллельные отношения. Длиной десять лет.

— Да бред. Нет у нас никаких отношений. Наш последний секс был еще в позапрошлом

браке, — я впервые кому-то созналась в изменах. Если честно, я столько носила в себе этот груз грехопадения, что была уверена — как только выскажусь, полегчает. Но отчего-то стало колоть в ребрах, и я ссутулилась. Плечи сами собой скруглились.

— Нет, просто вдумайся. Этот человек в твоём поле дольше, чем все остальные мужчины. Отношения — это же не про жить вместе. Это про взаимодействие частиц. Когда два элемента друг друга меняют. И если он в твоём поле — он тебя меняет.

— Пошла жара и эзотерика. Он мне не мешает. И он меня не меняет, — не знаю, кого я убеждала более рьяно, себя или Иру, что в происходящем нет ничего нездорового или странного. Но вышло бездарно.

Я задумалась, чем или как мерцающий любовник мог меня изменить — ни одного поступка ради него не совершила, мало что сделала и ему назло. Отправилась однажды на свидание со стареющим плейбоем-брокером 9 лет назад? Так я и так пошла бы. Да и в бытии мерцающего не создала никаких точек бифуркации, не пустила реку его жизни по иному руслу. Он не менял из-за меня работу, никогда не звал уйти от мужа и даже не предлагал улететь на другой конец света на пару недель скрыться от посторонних глаз.

Иногда мне кажется, что, касаясь друг друга физически, событийно мы прошли по касательной.

Не нарушили положение орбиты и даже наклоны планет. Нет, однажды частично из-за него я чуть не отменила свадьбу и даже проигрывала в голове план отступления: написать ему смс с геолокацией и короткой фразой «Некогда объяснить, просто заведи меня отсюда». Но если допустить, что я бы тогда сбежала со свадьбы или отменила ее за несколько месяцев — поступок совершила бы не ради возможности отношений с ним, а из-за собственной неуверенности. Из-за сомнений, что выхожу за того человека, с кем готова не просто побыть попугайчиками несколько лет, а составить. Но, может, Ира права? Он сеет и множит сомнения в моей жизни? Поэтому я одновременно и хочу семью, и порываюсь бежать из нее, сломя голову?

Я никогда не изменяла первому и третьему мужьям, как и фатальным влюбленностям. Я была верна всем, кроме второго супруга, и думаю, что тут зерно проблемы крылось все же в эмоциональном составе наших отношений, а не в мерцающем любовнике. Тем более, как потом выяснилось, второй муж особой моногамностью не отличался, так что на духовном уровне мы квиты. Обоюднo ударили друг друга о собственные пороки.

— Что он такого тебе дает, что ты не заканчиваешь эти отношения? — Ира пыталась докопаться до первоисточника, понять, что держит меня на привязи,

почему я не срываюсь с цепи, не рву, не забываю, не блокирую номер в конце концов.

— Еще раз. Это не отношения, — меня всегда задевало, когда нас связывали словами «отношения» или «история». Коробило, будто обвиняют в постыдной краже. Будто я Катерина из «Грозы» Островского, и Кабаниха уже что-то заподозрила.

— Хорошо, эти недоотношения. Какова вторичная выгода? — скатилась Ира в психологические термины, хоть мы и ужинали по-приятельски.

— Я с ним оживаю, пишу крутые вещи и зарабатываю большие деньги. Без шуток. Когда меня накрывает волной скуки и однообразия, и мы встречаемся — в эти несколько часов я живу. И я спокойна, потому что знаю: находясь в нормальных отношениях, у меня всегда есть опция пойти получить свою порцию эмоций. Как бы двучленно это ни звучало.

— Крошка, у меня для тебя плохие новости. — Ира знаком попросила официанта повторить вино и показала два пальца, что знаменовало — похмелье неминуемо. — У тебя адреналиновая зависимость. Ты торчок на эмоциях. Сколько ты с ним не виделась так, по-нормальному?

— Почти два года.

— И эти два года мы чиним тебя от профессионального выгорания? — она наконец расслабила лицо. Пазл в ее голове сошелся. — Выходит, что так. Постарайся сейчас принять то что я тебе скажу, и не плеснуть мне чего щиплющего в морду, — отшутилась она, понимая, как возрос градус

напряжения. — Для тебя брак и стабильные отношения — это состояния ремиссии. Наркоманов нельзя вылечить, можно просто слезть с адреналиновой иглы и закрепиться в ремиссии. Но тебя всегда будет тянуть обратно.

— Ир... — Я посмотрела на бокал вина с грустью: уж лучше бы зависела от чего-то всем понятного с 12-шаговой программой лечения. — Если слезу с той иглы, я перестану писать?

— Не знаю. Но ты точно будешь писать иначе. Это огромный пласт твоей жизни и я, в силу симпатии, не рискну туда лезть без твоей готовности. Ты не рыдаешь из-за него в подушку, не страдаешь. И в целом с этим можно жить. Только с открытыми глазами и честно ответив себе на вопрос, нет ли там на самом деле чувств, которых ты боишься. И в которые можно не идти, оставляя взаимодействия на уровне любовников. Классическая схема.

Я никогда не боялась, что от меня уйдет муж. Меня иногда даже удивляло, почему во мне не гнезвился подобный страх. Я знала, что буду жить, как жила. Мой уровень жизни или система ценностей не пошатнутся. У Бродского есть такое выражение «слезами серебрить скулы» как метафора не истерики, не плача, но грусти. Так вот, когда третий муж от меня съехал, я не плакала — просто слезы посебрили мои скулы. Час. Может, два.

— Ир, а что бы ты посоветовала мне не как психолог, а как подруга?